Рождественская сказка / новелла

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Рождественская сказка / новелла РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Доктор Бонанфан стал рыться в своей памяти, повторяя вполголоса:
— Рождественский рассказ?.. Рождественский рассказ?..
И вдруг воскликнул:
— Ну, да! У меня есть одно воспоминание и даже очень необыкновенное. Это фантастическая история. Я видел чудо. Да, сударыни, чудо в рождественскую ночь.
Вас удивляет, что вы слышите это от меня, человека, ни во что ке верующего? И, тем не менее, я видел чудо! Говорю вам, я его видел, видел собственными глазами, именно видел.
Удивило ли оно меня? Отнюдь нет: если я не верю в ваши догматы, то верю в существование веры и знаю, что она движет горами. Я мог бы привести много примеров. Но я боюсь возбудить в вас негодование и ослабить эффект моего рассказа.
Прежде всего признаюсь, что если я и не был переубежден всем виденным, то во всяком случае был очень взволнован, и я постараюсь бесхитростно передать вам все это с наивной доверчивостью овернца.

Я был тогда деревенским врачом и жил в местечке Рольвиль, в глуши Нормандии.
Зима в том году была лютая. С конца ноября после недели морозов выпал снег. Уже издалека виднелись тяжелые тучи, надвигавшиеся с севера, затем начали падать густые белые хлопья.
За одну ночь вся долина покрылась белым саваном.
Одинокие фермы, стоявшие среди квадратных дворов, за завесой больших деревьев, опушенных инеем, казалось, уснули под этим плотным и легким покрывалом.

Ни один звук не нарушал тишины деревни. Только вороньи стаи чертили длинные узоры по небу в напрасных поисках корма и, опускаясь тучей на мертвые поля, клевали снег своими большими клювами.

Ничего не было слышно, кроме мягкого и непрерывного шороха мерзлой пыли, продолжавшей сыпаться без конца.

Так длилось всю неделю, потом снегопад прекратился. Землю окутывал покров в пять футов толщиною.

В последующие три недели небо, днем ясное, как голубой хрусталь, а ночью все усыпанное звездами, словно инеем на холодной суровой глади, простиралось над ровной пеленой твердого и блестящего снега.

Долина, изгороди, вязы за оградой — все, казалось, было мертво, убито стужей. Ни люди, ни животные не показывались на улицу; одни только трубы, торчащие из хижин в белых сугробах, свидетельствовали о скрытой жизни тоненькими, прямыми струйками дыма, поднимавшегося в ледяном воздухе.

Время от времени слышался треск деревьев, как будто их деревянные руки ломались под корою: толстая ветка отделялась иногда и падала, потому что холод замораживал древесные соки и разрывал заледеневшие волокна.

Жилища, разбросанные там и сям среди полей, казались отделенными друг от друга на сто лье. Жили как придется. Один только я пытался навещать моих ближайших больных, беспрестанно рискуя быть погребенным в какой-нибудь яме.

Вскоре я заметил, что вся округа охвачена таинственным страхом. Толковали, что такое бедствие не может быть явлением естественным. Уверяли, что по ночам слышатся голоса, резкий свист, чьи-то крики.

Эти крики и свист, несомненно, издавали стаи птиц, перелетавшие в сумерки на юг. Но попробуйте переубедить обезумевших людей. Ужас охватил души, и все ждали какого-то необыкновенного события.

Кузница дядюшки Ватинеля стояла в конце деревушки Эпиван, на большой дороге, в те дни заметенной снегом и пустынной. И вот когда у рабочих вышел весь хлеб, кузнец решил сходить в деревню. Несколько часов он провел в разговорах, навестив с

полдюжины домов, составлявших местный центр, достал хлеба, наслушался новостей и заразился страхом, царившим в деревне. Еще до наступления темноты он отправился домой.

Проходя вдоль какого-то забора, он вдруг заметил на снегу яйцо, да, несомненно, яйцо, белое, как все кругом. Он наклонился: действительно, яйцо. Откуда оно? Какая курица могла выйти из курятника и снестись в этом месте? Удивленный кузнец ничего не понимал. Однако он взял яйцо и принес его жене.

— Эй, хозяйка, я принес тебе яйцо. Нашел его на дороге.

Жена покачала головой…

— Яйцо на дороге? В этакую погоду! Да ты, видно, пьян.

— Да нет же, хозяйка, оно лежало у забора и было еще теплое, не замерзло. Вот оно, я положил его за пазуху, чтоб оно не стыло. Съешь его за обедом.

Яйцо опустили в котел, где варился суп, а кузнец принялся пересказывать то, о чем толковали в деревне. Жена слушала, побледнев.

— Ей-богу, прошлого ночью я слышала свист: мне даже казалось, что он шел из трубы.

Сели за стол. Сначала поели супу, потом, в то время как муж намазывал на хлеб масло, жена взяла яйцо и подозрительно осмотрела его.

— А если в этом яйце что-нибудь есть?

— Что же, по-твоему, может там быть?

— Почем я знаю!

— Будет тебе… Ешь и не дури.

Она разбила яйцо. Оно было самое обыкновенное и очень свежее. Она стала нерешительно есть его, то откусывая кусочек, то оставляя, то опять принимаясь за него. Муж спросил:

— Ну, что, каково оно на вкус?

Она не ответила и, проглотив остатки яйца, вдруг уставилась на мужа пристальным, угрюмым и безумным взглядом: закинув руки, она сжала их в кулаки и упала наземь, извиваясь в конвульсиях и испуская страшные крики.

Всю ночь она билась в страшном припадке, сотрясаемая смертельной дрожью, обезображенная отвратительными судорогами.

Кузнец, не в силах справиться с ней, принужден был ее связать. Ни на минуту не умолкая, она вопила диким голосом:
— Он у меня в животе!.. Он у меня в животе!..
Меня позвали на следующий день. Я перепробовал без всякого результата все успокаивающие средства. Женщина потеряла рассудок.
С невероятной быстротой, несмотря на непроходимые сугробы, по всем фермам разнеслась новость, удивительная новость:
— В жену кузнеца вселился бес!
Отовсюду приходили любопытные, не решаясь, однако, войти в дом. Они слушали издали ее ужасные крики: трудно было поверить, что этот громкий вой принадлежит человеческому существу.
Дали знать деревенскому священнику. Это был старый, простодушный аббат. Он прибежал в стихаре, как для напутствия умирающему, и, протянув руки, произнес заклинательную формулу, пока четверо мужчин держали корчившуюся на кровати и брызгавшую пеной женщину.
Но беса так и не изгнали.
Наступило рождество, а погода стояла все такая же.
Накануне утром ко мне явился кюре.
— Я хочу, — сказал он, — чтоб эта несчастная присутствовала сегодня на вечернем богослужении. Быть может, господь сотворит для нее чудо в тот самый час, когда сам родился от женщины.
Я ответил ему:
— Вполне вас одобряю, господин аббат. Если на нее подействует богослужение — а это лучшее средство растрогать ее, — она может исцелиться и без лекарств.
Старый священник пробормотал:
— Вы, доктор, человек неверующий, но вы поможете мне, не правда ли? Вы возьметесь доставить ее?
Я обещал ему свою помощь.
Наступил вечер, затем ночь. Зазвонил церковный колокол, роняя грустный звон в мертвое пространство, на белую и мерзлую снежную гладь.
Послушные медному зову, медленно потянулись группы черных фигур. Полная луна озарила ярким и бледным светом горизонт,

еще больше подчеркивая унылую белизну полей.
Я взял четырех сильных мужчин и отправился к кузнецу.
Одержимая по-прежнему выла, привязанная к кровати. Несмотря на дикое сопротивление, ее тщательно одели и понесли.
Церковь, холодная, но освещенная, была теперь полна народу; певчие тянули однообразный мотив; орган хрипел; маленький колокольчик в руках служки позванивал, управляя движениями верующих.
Женщину с ее сторожами я запер в кухне церковного дома и стал выжидать благоприятной, по моему мнению, минуты.
Я выбрал момент вслед за причастием. Все крестьяне, мужчины и женщины, причастившись, приобщились к своему богу, чтобы смягчить его суровость. Пока священник совершал таинство, в церкви царила глубокая тишина.
По моему приказанию дверь отворилась, и мои четыре помощника внесли сумасшедшую.
Как только она увидела свет, коленопреклоненную толпу, освещенные хоры и золотой ковчег, она забилась с такой силой, что чуть не вырвалась из наших рук, и стала так пронзительно кричать, что трепет ужаса пронесся по церкви. Все головы поднялись, многие из молящихся убежали.
Она потеряла человеческий облик, корчилась и извивалась в наших руках, с искаженным лицом и безумными глазами.
Ее протащили до ступенек клироса и с силой пригнули к полу.
Священник стоял и ждал. Когда ее усадили, он взял дароносицу, на дне которой лежала белая облатка, и, сделав несколько шагов, поднял ее обеими руками над головой бесноватой, так, чтобы она могла видеть ее…
Она все еще выла, устремив пристальный взгляд на блестящий предмет.
Аббат продолжал стоять так неподвижно, что его можно было принять за статую.
Это тянулось долго-долго.
Женщину, казалось, охватил страх: она, как завороженная, не отрываясь, смотрела на чашу, все еще временами сотрясаясь страшной дрожью, и продолжала кричать, но уже не таким душераздирающим голосом.

И это тоже тянулось долго.
Казалось, она не могла отвести взгляд от дароносицы и уже только стонала, ее напряженное тело ослабело и поникло.
Вся толпа пала ниц.
Теперь одержимая то быстро опускала веки, то снова поднимала их, точно не в силах была вынести зрелища своего бога. Она уже не кричала. Вскоре я заметил, что она закрыла глаза. Она спала сном сомнамбулы, загипнотизированная — простите, умиротворенная — пристальным созерцанием блестевшей золотом чаши, сраженная Христом-победителем.
Ее унесли обессилевшую, и священник вернулся в алтарь.
Потрясенные свидетели грянули «Te deum» во славу милости господней.
Жена кузнеца проспала сорок часов подряд, потом проснулась, ничего не помня ни о болезни, ни об исцелении.
Вот, сударыни, виденное мною чудо.

Доктор Бонанфан умолк, потом с досадой прибавил:
— Я принужден был засвидетельствовать чудо в письменной форме.

* * *

Напечатано в «Голуа» 25 декабря 1882 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994
Перевод С. Иванчиной-Писаревой. Hekaýalar